

Николай Буров

Незримое влияние

16+

Николай Геннадьевич Буров

Незримое влияние

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63215637

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-99802-5

Аннотация

Веселая жизненная повесть, в которой невидимый Ангел ведет по жизни двух людей, всячески способствуя исполнению желаний меркантильной дамы и одинокого программиста.

"Свято веруя в силу сакральных мест, Маргарита Борисовна не стеснялась просить там все, что в тот момент считала нужным. Даже если она могла сама что-то купить и была убеждена, что это обязательно должно присутствовать в ее жизни, а сила желания мысленно, неукротимо росла, то все равно предпочитала сначала попросить у Бога, у судьбы, у ангела-хранителя или у кого угодно желаемое бесплатно. Главное – правильно выбрать место и время. И еще одна деталь..."

Содержание

Знакомство	4
Маргарита Борисовна	12
Анатолий	21
Желания	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Николай Буров

Незримое влияние

Знакомство

На отдыхе, вдали от дома, большинство людей забывают о повседневных проблемах, развлекаются и приятно проводят время. Такие перемены положительно влияют на душевное состояние. Однако обыденная жизнь по-разному накладывает отпечаток на поведение каждого человека: кто-то решает, как с умом потратить деньги и окупить поездку, а кто-то старается как можно больше получить удовольствий и впечатлений. Но почти все настроены на позитивные эмоции, поэтому люди в курортных и туристических местах кажутся особенно счастливыми.

В конце путешествия, когда самолет уже приземлился на родной земле, народ понимает, что праздник окончен и приближаются привычные будни. Расслабленные и отдохнувшие, вспоминают, что надо еще забрать чемодан. В аэропорту радостные туристы снова становятся теми, кем являлись до этого: бухгалтерами, директорами, менеджерами, завхозами, массажистами...

Недовольная масса вернувшихся на Родину пассажиров стояла в зале выдачи багажа после десятичасового перелета

ночным рейсом из Бангкока в Москву. Возможно, сотрудники аэропорта «Домодедово» были не виноваты в долгой разгрузке багажа из двухэтажного аэробуса, в котором находилось около пятисот мест, но многие пассажиры – одни мысленно, вторые вслух – обвиняли в этом именно их, а также весь аэропорт, Москву, Россию и, вдобавок, себя или своих родителей за то, что не там родились. Другие – равнодушно и устало смотрели на табло, где должен был появиться номер рейса. Остальные – пытались отвлечься или как-то себя развлечь.

Блондинка, с явными излишками контурной пластики на лице, заинтересованно рассматривала пожилого пузатенького мужичка в красной рубаше с пальмами, заправленной в зеленые шорты. Но внимание ее привлекла не одежда, а прическа: родные волосы остались у него только на затылке, там же, посередине, отчетливо просматривалась горизонтальная проплешина, похожая на длинный шрам, шириной больше сантиметра. На облысевших участках головы, из мелких дырочек, кустиками, торчали короткие пучки волос. Искусственно вживленный волосяной покров напоминал голову пластмассовой куклы, где идеальными рядами на значительном расстоянии друг от друга были вставлены капроновые локоны – так делали игрушки в восьмидесятые годы. Блондинка вспомнила свое детство, когда играла в куклы, и засмотрелась на него. Мужчина заметил, что его рассматривает эффектная блондинка, и украдкой бросил взгляд на

ее спутника, «бодибилдера»: тот глядел в противоположную сторону. Тогда обладатель прически "обстриженная кукла" расправил плечи, втянул живот и, с улыбкой бывалого «мачо», подмигнул ей. Блондинка вздрогнула, отвернулась и подумала: "Бедный мужик, как его изуродовали-то такой пересадкой волос. Хорошо, что я не лысая". Затем посмотрела на своего красавца – он кому-то кисло улыбался и кивал. Перевела взгляд в том же направлении и, недовольно улыбаясь, прошептала: "Деревня из эконом-класса". Крупный кудрявый мужик с женой и сыном, который выглядел как уменьшенная копия своего отца, улыбались им в ответ.

Со стороны могло показаться, что две семьи дружно, соседски, приветствовали друг друга. Эти люди не были знакомы, их связывала мимолетная встреча, произошедшая еще перед вылетом из Бангкока. Ненужный эпизод, который можно было избежать, если бы они умели вести себя более сдержанно. Хорошо, что сейчас все так мирно закончилось. Люди редко задумываются над тем, что их неконтролируемые чувства, эмоции, действия и мысли могут иметь разные последствия не только лично для них, но и для случайно оказавшегося рядом человека.

Когда в аэропорту Бангкока объявили посадку на рейс до Москвы, первым в очереди стоял тот кудрявый здоровяк со своей женой и ушлым сыном. До этого сынок, под одобряющие крики папы, старался на всех пунктах досмотра быть первым и, разумеется, зайти в самолет тоже рассчи-

тывал вперед всех. Спешка в этой ситуации не играла никакой роли: места на билетах были указаны, а раньше назначенного времени и пока не поднимутся на борт все пассажиры, прошедшие регистрацию, самолеты не взлетают. Здоровяк предъявил билеты за себя, сына и жену, но служащая попросила их немного подождать. За ними постепенно выстраивалась очередь, некоторые люди показывали ей билеты и проходили. Здоровяк начал нервничать, жена и сын стали шепотом успокаивать его. Мужчина в розовой футболке, обтягивающей его атлетический торс, показал билеты за себя и за блондинку с нереально большими губами – сотрудница авиакомпании их пропустила. «Качок» со спутницей, высокомерно улыбаясь, прошли, а «кудрявый» не выдержал и громко возмутился: "Почему это их без очереди пропускают?". Качок услышал и, обернувшись, хвастливо ответил: "Когда бизнес-классом летать будешь – тоже без очереди пройдешь!". Кудрявый здоровяк прошипел им вслед: "Ух, жаба перекаченная, и баба его – жаба губастая. Две жабы". Встретившись после перелета, они стояли недалеко друг от друга и улыбались. Улыбки были не радостные, а, скорее, извиняющиеся, неестественные.

Ярко-рыжая женщина, на вид лет тридцать пять-сорок, запомнила тот случай в аэропорту Бангкока – она тогда стояла в начале очереди. Сейчас, в Домодедово, наблюдая сцену молчаливого перемирия, она разочарованно смотрела на них и думала: "Да, лучше бы они здесь сцепились, а не в Банг-

коке. Поспорили бы хоть, повеселили народ, чтоб не скучно было багаж ждать". От ожидания у нее появилось раздражение и, как следствие, пошли негативные мысли. Зла она никому не желала, а просто хотела отвлечься. Когда поняла, что взаимные улыбки этих людей ее раздражают еще больше, чем ожидание, то посмотрела на блондинку, и снова недобрые мысли: "Очевидно, эта женщина хотела, чтобы с помощью контурной пластики ей на лице написали «деньги», а щедрый мастер за ее деньги написал на все лицо «губы». – Она отвернулась и подумала: – Домой хочу. Хорошо бы мой чемодан самый первый появился! Надо поближе подойти к транспортным лентам". Подошла и обратила внимание на двух мужчин: одному за сорок, второй – моложе. Вспомнила, как эти двое заигрывали с девушками, когда стояли в очереди на регистрацию в Бангкоке. Тот, что моложе, еще там показался ей знакомым. Может, дальний родственник? Она снова почувствовала, что знает его, но не понимала, откуда. Подошла поближе и прислушалась, о чем они разговаривают. Мужики спорили о жизни в советское время:

– Серега, ну у тебя же экономическое образование, – говорил тот, что моложе.

– И юридическое еще, – подтверждая, добавил Серега.

– Тогда объясни, почему в то время, старая машина стоила дороже, чем новая? Старую можно было купить на рынке за восемь-двенадцать тысяч рублей, а новая у государства стоила семь тысяч. Но, чтоб ее купить, надо было в очереди

лет десять отстоять. Что это за экономика такая? Мать мне рассказывала, как все было, так и говорит.

– Толя, я не говорю, что экономика была хорошая. Я говорю, что люди легче жили, квартиры всем давали, работа была.

– Всем одинаково платили: кто честно трудился и кто делал вид, что работает. Все везде «блат» какой-то был, в холодильнике – продукты, а прилавки – пустые. Вот, скажи, а за границу, ты вот так, запросто, смог бы съездить? – продолжал спорить Анатолий, поглядывая иногда на высокую рыжую женщину. А в мыслях думал: "Не видел я ее никогда, а такое впечатление, как будто всю жизнь знаю. Я, конечно, люблю рыженьких, но эта для меня старовата. Чувства скорее как к тете или сестре". Уже не слушая Сергея, он пристально на нее смотрел и продолжал рассуждать: "Да не встречал я ее раньше, точно! А, кажется, что даже знаю, о чем она думает. Наш с Серегой разговор слушает, моя точка зрения ей нравится больше. До этого наблюдала за теми двумя бугаями с их женами: они ей не нравились, раздражали. Да зачем вообще о ней думать? Но еще в самолете было ощущение, что, кроме Сереги, со мной кто-то из знакомых летит. И обратный полет перенес лучше".

– Серега, а ты чувствуешь, запах какой-то незнакомый? – задумчиво спросил Анатолий, откинул голову назад, медленно вдохнул через нос и добавил, – сладкий, свежий, как весной, похожий на спелые фрукты или ягоды.

– Какой запах? Так всегда в аэропорту пахнет. Ну, уж точно не сладкими фруктами. Ты, наверное, по русскому духу с непривычки заскучал, вот и кажется родной воздух сладким, – смеясь, предположил Сергей. Толик поймал взгляд рыжей дамы, пожал плечами, глядя ей в глаза, и улыбнулся. Она тоже улыбнулась и также пожалала плечами.

"Я не понимаю, он что, ко мне клеится? Зачем я его разглядываю, может, правда, дальний родственник? Мой или кого-то из друзей?" – гадала Маргарита Борисовна, чувствуя какую-то связь, близость, но не плотского характера, а что-то непонятное, новое.

"Возможно, она тоже меня знает, она же улыбнулась в ответ", – продолжал рассуждать Анатолий, но в этот момент поехали по ленте сумки и чемоданы. Серега дернул его за руку: "Ты на ленту смотри. Что на эту тетю уставился? Свой чемодан пропустишь – будешь еще один круг ждать или бежать за ним и всех расталкивать. Времени нет, на экспресс опоздаем, а следующий – через час".

Маргарита Борисовна первая подхватила с ленты свой маленький чемоданчик, ловко поставила его на колеса и с мыслями: "Слава Богу! Мне, как всегда, повезло – мой чемодан первый выехал!" – поспешила к выходу.

А за стенами аэропорта всех встречала суетливая Москва. Кто-то соскучился по этой суете и, с новыми силами и впечатлениями, спешил окунуться в городскую жизнь. Кто-то, наоборот, боялся этой чрезмерной спешки, и долго втяги-

вался в оживленный поток ежедневных событий, мечтая снова побыстрее куда-нибудь уехать.

Маргарита Борисовна

Действительно, фортуна в отношении Маргариты Борисовны была всегда благосклонна. Если в супермаркете, в час пик, на кассе собиралось много народу, то рядом мгновенно открывалась вторая касса, и Маргарита возглавляла новую очередь. Если она опаздывала, то обязательно звонили и просили перенести встречу, как раз на нужный промежуток времени, либо подъезжал таксист и без пробок, или неизвестным ей ранее коротким путем, привозил в точно назначенное время...

Принимая происходящее как должное, она считала себя просто "фартовым человеком", и в подобных случаях неосознанно меняла свои негативные мысли на позитивные, думая о том что хочет и как исправить ситуацию. С детства она размышляла и фантазировала на тему "почему мне всегда везет?" и только после сорока лет сделала вывод: "Раз "Силы небесные" помогают мне во всем, значит, у меня есть особое предназначение, более весомое, чем у других!". Жизнь свою менять не собиралась, но о некоем предназначении иногда вспоминала.

Она вошла в вагон аэроэкспресса и быстро направилась в следующий, так как все места, расположенные лицом в сторону Москвы, были заняты, а двигаться спиной к цели было не в ее правилах. Затем прошла еще три вагона, подыски-

вая не только свободное место, но и приятных попутчиков: они должны быть нешумные, прилично одетые и без запаха перегара, после стрессового перелета. "Куда спешу? – сама себя спрашивала Маргарита Борисовна и сама себе отвечала. – Дома все равно никто не ждет, просто по квартире соскучилась". Увидела два подряд свободных кресла, подкатила к окну свой чемоданчик, напротив первого, и заняла второе, предпочитая ехать в одиночестве, чем неизвестно кому уступать свободное место.

Людей Маргарита Борисовна разделяла на три категории: бедные, среднего достатка и очень богатые. Возраст, пол и национальность, по ее мнению, не имели никакого значения.

Бедными она считала: учителей, медицинских работников, священнослужителей, научных работников, людей из мира моды и искусства, бухгалтеров, начинающих бизнесменов, «компьютерщиков», военных, всю полицию (кроме подразделения ГАИ – их она относила ко второй категории), вообще всех госслужащих: то есть, как принято выражаться, "среднестатистических граждан", которые не добились в жизни каких-либо высот.

Во второй категории – те же профессии, плюс все остальные сферы деятельности, но люди достигшие на трудовом поприще: успеха, славы, влияния и обязательно финансового благополучия.

К третьей категории, которую она называла «небожители», относились президенты и министры всех стран, а также

их близкое окружение: олигархи, всемирно известные личности и высшее земное руководство всех религиозных конфессий.

Оставшихся, кто не попал в эти категории, – продавцов, официантов, парикмахеров, строителей и так далее – она воспринимала как обслуживающий персонал. Она к ним никак не относилась – ни хорошо, ни плохо, просто не замечала их. Наверное, так относятся к деревьям в парке – это же парк, поэтому там должны быть деревья.

Себя, генеральскую внучку и профессорскую дочь, Маргарита Борисовна причисляла ко второму, среднему уровню проживания. После окончания Московского института геодезии и картографии, по профессии инженер-геофизик, она проходила двухмесячную практику в Ямало-Ненецком автономном округе за неплохую зарплату. Чтобы в дальнейшем не устраиваться на работу, она решила получить второе высшее образование, и в том же институте пошла учиться на виртуальную профессию "инженер-космогеодезист" по курсу "Астрономы геодезии". Больше она в жизни нигде не работала, так как в деньгах не особо нуждалась.

В восемнадцать лет ей по наследству от родной бездетной тетки досталась двухкомнатная квартира недалеко от метро «Курская». Денег от сдачи квартиры в аренду вполне хватало на безбедное проживание в студенческие годы. Она, конечно, могла переехать туда и начать самостоятельную жизнь, но предпочла остаться с бабушкой, которую очень любила. Ба-

бушкина квартира, в "генеральском доме" (как прозвали его жители района), рядом с метро «Сокол», тоже перешла по наследству к Маргарите. Также в центре Москвы, на улице Солянка, ей осталась квартира от матери. Две квартиры она сдавала в аренду, а в третьей, на Ленинградском проспекте, у метро «Сокол», жила сама.

Ко всему, что происходит в жизни, Маргарита Борисовна относилась как к игре. Бабушка Маргариты часто приговаривала: "Вся наша жизнь игра", – и в своей, и в жизни внучки все называла игрой.

В детстве: "Наигралась в куклы, убери игрушки", – в юности: "Что ревешь? Проиграла, вытри слезы, живи дальше". "Я не проиграла! – возмущалась Маргарита. – Просто Сашка Рыжиков два года, с восьмого класса, за мной ухаживал, а сейчас стал дружить с девочкой из другого класса, а мне обидно". – "Ты упустила свой шанс, а это значит – проиграла. Да не реви, красавица моя, еще вся жизнь впереди, в любовь наиграешься".

В девятнадцать лет: "Как, ты собралась институт бросить, что значит «надоело»? Не надоело, а проиграла. На какую работу ты пойдешь? Кто, куда тебя возьмет, без образования? Так и будешь жить среди проигравших!", – продолжала образовывать внучку бабушка. С раннего детства Маргарита не любила проигрывать и, конечно, институт закончила.

В двадцать два года: "Замуж не торопись, и выходи только по большой любви, за достойного человека. Своя семья – это

игра, которая продолжается в течение всей жизни. Только время незаметно меняет в ней правила, и в каждой семье они разные. Победителей в этой игре нет, но, если вышла из игры, то проиграла!".

И Маргарита не спешила, смысл словосочетания "большая любовь" она расшифровала как "полюбить кого-то больше себя", но полюбить кого-то больше себя, чтоб так, как в книгах описывают, она не смогла, да и не пыталась.

В двадцать пять лет у Маргариты бабушки не стало. Она была для нее самым близким и любимым человеком на земле. Даже спустя двадцать лет, Маргарита с любовью ее вспоминала и скучала по ней.

Мать Маргариты была профессором физико-математических наук. Она любила дочь, но науку любила больше, и бабуля с удовольствием взяла на себя воспитание внучки. Через два года после бабушки ушла из жизни мама. Диагноз – онкология.

Своего отца Маргарита видела только на фотографии, которую мать бережно хранила и прятала от посторонних. По рассказам бабушки он был летчик-испытатель и погиб еще до ее рождения.

Все в своей жизни она продолжала воспринимать как игру, с одним главным правилом в разных ситуациях: в ней запрещено было проигрывать.

В молодости думала, что когда-нибудь выйдет замуж за кавказца, как Анжела из соседнего подъезда. Муж Анжелу

любил, на руках носил, все ей покупал, говорят, по дому все делать помогал. Свою квартиру где-то в центре купили. Все соседи его хвалили. К двадцати трем годам у них уже было трое детей. Анжела выглядела счастливой, когда всей семьей навещала родителей.

" Какой шикарный мужчина и Анжела – умница, красавица!", – искренне восхищалась в разговорах с соседями Маргарита, но про себя думала: "Мне, конечно, троих детей не надо, с одним-то возни много, и в каждой семье свои правила".

В тридцать лет начала задумываться о замужестве. И поехала просить себе жениха в Покровский женский монастырь на Таганке, у мощей Святой Матроны. В те годы в этом монастыре еще не было многочисленного скопления народа. Пока стояла в небольшой очереди к мощам, ее одолели сомнения в том, что она действительно хочет замуж за кавказца и замуж вообще. Поэтому она попросила Святую Матрону помочь разобраться в жизни и поспособствовать замужеству, в том случае, если ее судьба сложится еще лучше, чем у Анжелы.

В скором времени, через подруг, Маргарита познакомилась с кавказцем, ее ровесником: стройным, высоким, вроде бы, достойным.

Ухаживал он за Маргаритой уважительно: без подарков не приходил, цветы, конфеты, украшения дарил. Несколько раз в неделю посещали театры, концерты, развлекатель-

ные клубы... И так само собой получилось, что через два месяца он уже жил у нее. Еще в первые дни знакомства, он очень уверенно, но довольно расплывчато объяснил Маргарите, что близкие родственники, совсем скоро помогут ему разрешить проблему с собственным жильем. Для Маргариты этот пункт был чрезвычайно важным, но лишний раз спрашивать она не решалась – кавказец все-таки, зачем за большое задевать. Прожили они три месяца, и за месяц до новогодних праздников у него что-то пошло не так в бизнесе. В каком бизнесе – она не знала, потому что, как от людей слышала, "кавказские жены в мужские дела не лезут".

Из-за этого он сильно изменился, стал более замкнутым, можно сказать, таинственным. Но продолжал покупать все необходимое в дом и ей ни в чем не отказывал. Затем машину свою из ремонта не смог забрать, якобы деталь какая-то редкая сгорела, и он ждал, когда же ее привезут из-за границы. Пару раз заговорил, что на родину надо съездить. Маргарита, конечно, надеялась, что они поедут вместе – она ведь никогда не была на Кавказе. Он познакомит ее с родственниками, сама об этом спрашивать не хотела, зачем напрашиваться.

За неделю до Нового года, он пригласил ее в ресторан, сказал, что с дядей познакомит. "Значит, дела наладились", – обрадовалась Маргарита.

Оделась она почему-то во все черное, так ей подсказала интуиция: грудь закрыта, юбка в пол, сапоги, правда, надела

на очень высоком каблук.

На такси они приехали в ресторан на Тверской, ближе к Белорусской, где за столиком их ожидал пожилой кавказский мужчина. Все улыбались, познакомились, поели, выпили вина, и дядя с племянником начали разговаривать на родном языке, в промежутке что-то подкладывали Маргарите в тарелку, желая ей приятного аппетита. Когда ее тарелка была уже переполнена, они начали спорить. Дядя оставался совершенно спокоен, а ее возлюбленный жутко разозлился и весь издергался – такого раньше с ним никогда не было. Дядя расплатился за общий счет, попрощался, сказал, что очень рад познакомиться и все прочее, оделся и ушел. Они за десять минут допили вино, оделись и тоже вышли.

Он обнял ее и сказал: "Такой хороший вечер: снег идет, ветра нет. Пошли пешком, Марго. Прогуляемся. Люблю гулять пешком". Такого предложения Маргарита не ожидала. "У него просто закончились деньги", – как будто, кто-то мысленно подсказал ей ответ на все ее вопросы... Но с раздраженным кавказцем она спорить не собиралась, тем более предлагать оплатить проезд. У нее было железное правило – никогда не давать деньги в долг любимым мужчинам и ни в коем случае за них не платить.

Они шли больше часа. Он все время пытался ее рассмешить, что-то рассказывал, но она не слушала его, а думала о своем: "Какая разница – кавказец, француз или русский, главное – чтоб человек был достойный".

В тот вечер она стерла все пятки и набойки на каблуках, икры болели, еле-еле доплелась до дома и решила, что у своей большой любви она будет спрашивать все, что захочет и говорить будет все, о чем думает. Наутро он поцеловал ее и, как обычно, ушел на работу.

Она неделю ждала, что он позвонит, и ту новогоднюю ночь провела в одиночестве. Сама звонить не стала – зачем навязываться.

Больше о кавказском муже она не мечтала. В мобильном телефоне переименовала его с "Любимый мой" на «Кавказец», чтобы не брать трубку, если когда-нибудь позвонит. В новогодние праздники Маргарита купила цветы и съездила в монастырь на Таганку. Отстояла очередь к мощам, поблагодарила Святую Матрону за то, что помогла разобраться в жизни и взглянуть на все по-другому, и, в свои сейчас уже сорок пять лет, она не помнила, как его звали.

Анатолий

Если бы тебе предложили золотой кубок с лучшим в мире вином, сказав: "Пей, но знай: на дне скорпион", ты бы стал пить? На дне всякого кубка земных наслаждений таится скорпион. Да и кубки эти так не глубоки, что скорпион всегда близ наших губ.

*Святитель Николай Сербский "Мысли о добре и зле",
Кубок наслаждений*

На следующий вечер тот самый Толик из аэропорта медленно прогуливался по Садовому кольцу, настроение было хорошее. На перекрестке остановилась машина, из открытого окна доносилась иностранная песня. Он неосознанно начал повторять и подпевать: "Рогаци концероп...".

Что означали эти слова, и на каком языке их поют, он не задумывался. Но, почему-то, делал серьезный взгляд и сдвигал брови. Мимика лица работала так, как будто он понимает то, что говорят его губы и пытается с ее помощью выразить то, что произносит. Остальное было, почему-то, совсем неважно: "Рогаци концероп...".

Лето, тепло, на душе радостно, первый день после отпуска вышел на работу – и сразу зарплату дали, еще с однокурсниками сейчас встречался. Руководство уезжает куда-то в отпуск на неделю, поэтому и выдали получку пораньше. Год

назад он закодировался и через четыре месяца устроился на нормальную работу. Деньги-то появились, но распорядиться ими за это время так и не научился. Жажда растраты (когда "деньги ляжку жгут") еще осталась с того времени.

"Что я, как обезьяна: иду, рожи строю, пою не пойми что? – подумал он и обрадовался. – Похоже, восстанавливаюсь, раз начал обращать внимание на реакцию людей вокруг. Год назад без разницы было, кто что скажет или подумает", – от воспоминаний появилось чувство стыда.

В тот мир, назад, он не собирался возвращаться, а пытался двигаться дальше и чего-то добиться. Он не думал кому-то что-то доказать, а хотел начать правильную жизнь, как у всех. Но не мог уточнить для себя определение: что такое эта "правильная жизнь". Наверное, как у друга с работы, Сереги, с которым вместе в Таиланд летали: у него не было таких проблем с работой, алкоголем... Появлялись мысли: «Не бойся, если выпьешь, ничего плохого не произойдет! – а потом, – не надо назад возвращаться, держись».

В жизни он старался цепляться за возможности, которые, по мнению его окружения, были для него важными, и в разные моменты менялось как окружение, так и возможности. Иногда внутренний голос подсказывал, что в этой ситуации не делай, как говорят, но Анатолий анализировал и оспаривал эти мысли, и, в конце концов, соглашался, и делал так, как подсказывали ему люди, с которыми в тот момент общался, но он старался никогда не нарушать общепринятые

человеческие нормы.

По окончании института связи по специализации "Автоматизация управления в технических системах" работать по профессии за маленькую зарплату, как начинающий специалист, он бы согласился, но друзья из института, с которыми вместе подрабатывали официантами, предложили место в хорошем ресторане. Там он познакомился со Светланой, она работала администратором ресторана. Стали вместе снимать квартиру на Выхино. Собирались пожениться, Света иногда ездила с ним в Покров к его матери. Началось все хорошо. Часто выпивали, тусовались по молодежным клубам. Прожили полгода. Он ушел из ресторана, устроился в турфирму менеджером – маленькая зарплата и проценты от продаж. Светка два раза не вышла на работу, ссылаясь на здоровье – с похмелья встать не могла – ее уволили. Сняли квартиру подешевле, на Сетуни. Он стал в свободное время брать частные заказы и делать несложные сайты через интернет. Денег все равно не хватало. Для человека с техническим складом ума он был очень контактный, разговорчивый, но по продажам отставал от своих коллег – пришлось уйти. Светлана за три месяца сменила три места работы, говорила, что все не то. Начала сильно выпивать (непонятно где деньги брала), он с ней за компанию.

"Что ты за мужик? Даже зарабатывать нормально не можешь", – устраивала пьяные истерики Светка.

Когда совсем спиваться стала, уехала домой в Брянскую

область. Он устроился торговать "всякой всячиной" в электричках от Савеловского вокзала. Новые друзья подсказали как, что и помогли пристроиться. Переехал в Братеево, комнату снял у ребят, которые в электричках торговали. Они двухкомнатную квартиру снимали и вторую комнату ему пересдали. Выпивали вместе, веселились, с девушками разными знакомился, по пьяни казалось любовь, а протрезвев, не только к ним, и к себе, отвращение испытывал.

Приехал в Покров, мать проведать. Каждый месяц ездил, не забывал. Она видела, что с сыном происходит, уговорила сходить в церковь. Постоял там, посмотрел, как мать молится, и в этот же день закодировался.

Продолжал торговать в электричках и снова начал делать сайты в интернете. Денег стало побольше. От веселой компании из Братеево съехал, на Динамо снял комнату.

Только в тридцать лет нашел работу, которая ему понравилась: офис в центре на Белорусской, коллектив не большой, восемнадцать человек. Другой мир! Устроился он в интернет-магазин "Украшения для мужчин и женщин", штатным программистом. В его обязанности входило: связываться с маркетологами, которые придумывали для него различные задачи по улучшению сайта; составлять отчеты, передавать анализы продаж в коммерческий отдел; выполнять функции системного администратора. При приеме на работу, почему-то, не сообщили о возложенных на него функциях «сисадмина», а преподнесли это как само собой разумею-

щеся, и за эти задачи денег не доплачивали. Также напрягали по любым вопросам, связанным с электроникой. Но такие выражения, как " оптимизация товарной матрицы " радовали его слух, хоть и не входили в его обязанности, поэтому уходить или просить прибавки к зарплате он не собирался.

Решил до Динамо дойти пешком, и свернул с Садового на 1-ю Тверскую-Ямскую. На улице темнело и включили фонари. Сегодня закончилась его кодировка, но говорить об этом никому не стал. А деньги вот в кармане... Странно, но к алкоголю никакой тяги не было. Он возвращался из кафе, со встречи с однокурсниками, футбольными фанатами, после трансляции матча. Кого-то из них, он лет восемь не видел. Все мужики пиво пили. Он, когда пришел, весь зажался, не знал, как себя вести – пить-то не собирался.

Саня Воробьев, друг, – в общежитии в одной комнате когда-то жили – принес и поставил перед ним большую кружку пива: "Давай с нами, Толян, по пивку, – а на ухо шепнул, – безалкогольное". Наверное, все уже знали о его проблемах с алкоголем, но виду не показывали – друзья.

Начался матч. Возбужденные, все орали, топали ногами и он вместе со всеми, хлопал в ладоши, обнимался, радовался и забыл, что алкоголь не пьет. Саня, хоть и пьяный уже был, но за ним следил. Все время кружки с безалкогольным пивом перед ним ставил, переживал.

Вспоминая это, сердце в груди сжалось, и слезы на глазах появились: "Нет, реветь, конечно, не буду. Но как я так глупо

эти годы прожил, сам не знаю".

В памяти отрывками всплыли отголоски из прошлого: Сетунь, мужики во дворе, с которыми пил. Светка пьяная, на диване, в сапогах уснула... В Братеево, с похмелья, думает: "У кого денег одолжить?". Лежит под одеялом, потеет, весь мокрый, в туалет хочется, а встать не может. Терпит. Думает: "Еще немножко поваляюсь и легче будет". Но легче не становится. Прокручивает мысленно всю вчерашнюю пьянку, боится чего-то. Страшно с кровати вставать. Почему? Все же нормально было, а он боится. Кого? Встал через силу, голова кружится, сердце колотиться. Принял душ, привел себя в порядок, вышел на улицу прогуляться, идет и почему то боится, может людей, а может улицу, сам не поймет. От этих воспоминаний скулы сжались, крылья носа и верхняя губа брезгливо приподнялись, как будто кто-то рядом испортил воздух.

Анатолий не пытался избавиться от прошлого, оно ушло, как плохой сон. Вроде бы как не с ним все это было.

Дальше шел и уже ни о чем не думал. Откуда-то из подсознания мысль: "Завтра в церковь сходи, легче станет". – «Схожу», – сам себе, вслух ответил Толик и обернулся, убедиться, что его никто не услышал – ведь по Тверской народ и днем и ночью гуляет. Все здания, дорога, машины стали почему-то светлее, ярче, более четко видимые.

"Может, электричество каким-то образом усилили. Почему так светло стало?", – уже мысленно спросил сам себя Ана-

толий. На душе стало тоже светло, и от этого чувства по рукам пробежала мелкая, расслабляющая дрожь, напоминающая щекотку.

На следующей день, после работы, он попрощался со всеми и вышел вместе с Серегой – бухгалтером из офиса.

– Ты сейчас куда, домой? – спросил у Серегина пока к метро шли.

– Да в церковь сходить хочу. Вчера только приехал, и некогда было. Решил сегодня после работы, на Таганке, рядом с метро, в храм зайти.

– Я с тобой, если не против? – вспоминая вчерашний вечер, спросил Анатолий.

Доехали за пятнадцать минут, народу в метро много – час пик. Вышли из метро, обошли вестибюль, и вот высокий храм стоит. Серега, глядя на него, перекрестился и свернул налево, в проулок – там еще один храм, маленький.

– Я в этот храм иногда после работы заезжаю, мне тут нравится, – сказал Сергей.

На табличке, перед входом в храм, Толик прочитал год постройки и удивился – какой старей!

Серега три раза перекрестился, Толик тоже перекрестился. В Бога он верил, к церкви относился с уважением, но воспринимал храмы как историческое достояние русского искусства. Ходил редко, с матерью, чтоб ей приятно было. Она помолится, свечи поставит, а он в сторонке стоял, даже свечи не брал, иконы разглядывал. В Покрове храм красивый,

высокий, старинный, икон много старых, он к ним как к произведениям искусства относился.

Дождется, когда мать помолится, сунет деньги в ящик, на нужды храма, посмотрит по сторонам, убедится, что никто не видит, быстро перекрестится и выйдет. Креститься он как-то не привык, и от Сереги такой набожности не ожидал: бухгалтер все-таки и два высших образования, не деревня не образованная.

Зашли в храм – еще одна дверь. Серега снова три раза перекрестился, Толик один раз. Вошли во вторую дверь: справа прилавок, за ним девушка в платочке. Посередине прилавка свечи в коробке лежат, а с обеих сторон в прилавке щели, отделанные железом. Сергей поздоровался с девушкой, взял несколько свечей и сунул купюру в щель. Толя тоже взял пять свечек и, не зная, сколько класть денег, цена на свечи не указана, вытащил из бумажника самую крупную купюру и опустил в отверстие.

В храме шла служба, что-то тихо говорил священник, а потом пел женский хор. Но Сергей повернулся, перекрестился и пошел не вовнутрь, а левее от входа, к деревянному кресту, размером выше человеческого роста. Встал на колени, и поцеловал крест. Поднялся, перекрестился и поклонился кресту. Толик не знал что делать – он не ожидал от Сереги таких действий, поэтому начал оглядываться на людей вокруг, но никто не обращал на них внимание. Преодолевая непонятно за что чувство стыда, перекрестившись с видом, как

будто в холодную прорубь собрался нырять, набрал в легкие воздуха и тоже встал на колени, поцеловал крест, поднялся и поклонился.

Сергея стоял в арке у входа и молился на настенное изображение Сергия Радонежского. Они вместе подошли к иконе Богородицы, и Толик стал рассматривать внутренне убранство храма. Сергей крестился, ставил свечи у икон, молился, и его не замечал. Потом подошел к нему и с улыбкой, как-то ласково, что ли, как ребенку, шепотом, говорит: "Конечно, служба идет, ну ты все равно потихоньку, пройди и свечи к иконам поставь или их домой заберешь?". – "Да я не знаю куда ставить". – "У любой иконы, где подставка стоит".

Толик понимал, что на него никто не смотрит, да и знакомых тут быть не могло, почему стеснялся, сам не знал. Поставил свечи и попросил Богородицу, чтоб мать не болела и чтобы, не кодируясь больше, стать нормальным непьющим человеком.

Служба закончилась, он попросил Сергею найти икону с Николой Чудотворцем, почему-то мысли такие пришли. Она была справа от алтаря. Он обратился к Угоднику с просьбой помочь жизнь наладить, чтоб к старому никогда больше не возвращаться. Во время молитвы, состоявшей из двух с трудом составленных предложений, сердце усиленно застучало, разволновался. Уже не стесняясь, перед уходом, тоже как Серега, три раза крестился, сунул купюру в щель на прилавке, подумав: "На нужды храма, – и шепотом добавил, – Во славу

Божью".

Пока шли до метро, Толику казалось, что рядом с ним, в храме, был какой-то другой человек, а не Серега – бухгалтер, с которым вместе в Таиланд ездили, – и он решил поговорить на эту тему.

– Я не знал, что ты такой набожный.

– Мы с тобой о прошлом ни о моем, ни о твоём никогда не разговаривали, – ответил Сергей.

И кратко рассказал, что когда-то, еще в Смоленске, он был майором юстиции, работал в налоговой. Разошелся с женой, она к другому ушла, а он места себе не находил и пить начал. Потом с работы уволился, плюнул на все и уехал на два месяца в Свято-Донской Старочеркасский мужской монастырь, просто пожить попросился. Оттуда уже вернулся другим человеком, и поехал в Москву, работу искать. Все это было десять лет назад. Но обязательно в храм ходит раз в месяц, бывает и раз в неделю. Сейчас выплачивает ипотеку за свою квартиру в Новогиреево, три года осталось. Когда он приехал в Москву, ему было столько же лет, как Анатолию сейчас. Недавно он выучился и получил водительское удостоверение, машину купил, девчонок по Москве катать.

Что Серега находится в активных поисках второй половины, Толик знал с первых дней знакомства. "Наверное, Бога просит помочь выбрать жену", – подумал Анатолий, когда прощаясь в метро, с улыбкой, пожал Сереге руку.

Поехал домой, размышлял: "Интересно, у Сереги была,

конечно, другая ситуация десять лет назад, в моем возрасте, но причины и последствия, одни те же. На работе с ним сразу подружились, в Таиланд предложил поехать вместе, путевка на двоих недорогая была. Конечно, он дешево тур нашел, он же в той турфирме тоже бухгалтерию ведет. Так же, как я, подработки берет. Я давно за границу хоть куда-нибудь съездить хотел. И денег как-то быстро на сайтах заработал, и зарплату дали – все хорошо сложилось. Загранпаспорт быстро сделал... До отъезда месяца два было... Не знал, что делать, куда в аэропорту идти, а Серега сказал тогда: "Не грузись, делай все, как я". Я и в церкви за ним все повторял. Действительно, жизнь дает нам учителей, с кого пример нужно брать. Вроде бы, что у нас общего, а я как-то рядом с ним стал на мир по-другому смотреть. Читал же на каком-то сайте, что есть люди, рядом с которыми растешь, а есть – которые разрушают. Там еще было написано, что это не значит, что они плохие или хорошие, просто энергетика подходит или нет. Конечно, жениться надо раньше, в сорок лет как-то поздновато, ну, как получится. В монастырь жить даже на месяц не поеду, а в церковь ходить буду, в этот храм на Таганке через неделю приеду. Понравилось там, народу немного, поют красиво...

Мысли по поводу воздержания от алкоголя стали более уверенные, а на душе действительно стало легче.

Желания

Время – птица, украшающая тебя пестрыми перьями, но когда-то она улетит и унесет их. И если твоя душа слишком привяжется к перьям, как же безобразна будет ее нагота!

*Святитель Николай Сербский "Мысли о добре и зле",
"Душа и плоть"*

Свято веруя в силу сакральных мест, Маргарита Борисовна не стеснялась просить там все, что в тот момент считала нужным. Даже если она могла сама что-то купить, и была убеждена, что это обязательно должно присутствовать в ее жизни, а сила желания мысленно, неукротимо росла, то все равно предпочитала сначала попросить у Бога, у судьбы, у ангела-хранителя или у кого угодно желаемое бесплатно. Главное – правильно выбрать место и время. И еще одна деталь – это уверенность в своем желании, а не просто – "помечтала и забыла". Слово «мечта» в ее понимании означало то, во что слабо веришь или к чему не особо стремишься. Маргарита много раз убеждалась, что если мечту «переоформить» в желание, то она обязательно сбывается.

А если случайно, например, во время экскурсии, оказалась в сакральном месте, то можно загадать побольше: "Это мой ангел-хранитель привел меня сюда", – уверенно думала Маргарита Борисовна. И, все же, постоянно удивлялась, ведь

ее желанья практически всегда воплощались в реальности, но, к сожалению, не всегда они были удачные.

Из-за последней выдумки Маргарита потеряла трех подруг – они просто отказались с ней общаться. Она надеялась, что это временно, а на душе от воспоминаний становилось грустно – состояние, которое Марго особенно не любила.

Из всей этой ситуации с "Троицей любителей животных" ее задевало, что Настя больше не отвечает на звонки. "Мы же с ней так похожи, как сестры, я-то думала, она меня всегда поймет", – переживала Марго.

Она встретилась с Анастасией Ангорской, когда обеим уже было за тридцать. Все подруги вышли замуж, нарожали детей, и тусоваться, хулиганить было не с кем.

На одном из дней рождений своей бывшей одноклассницы, в ресторане, где собрался практически весь дружный класс, она и познакомилась с Настей. Люда Неклюдова и Нина Ненашева – две школьные подруги, которые все про всех знали, – быстро просветили Марго, что вон та блондинка пришла с Эдиком из их класса. Говорят, она приехала откуда-то из Сибири, открыла свой швейный бизнес в Москве и уже купила две квартиры. Может, была замужем за миллионером, а иначе, откуда такие деньги? Да, у нее есть ребенок, сын, кажется...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.